

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 2010 г.

Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ПРОБЛЕМЕ ЦАРСКОГО КУЛЬТА В ПАРФИИ*

В статье на основе анализа монетного чекана рассматривается проблема формирования посмертного царского культа в ранней Парфии.

Ключевые слова: Парфия, монеты, религия, царский культ, титулатура, обожествление.

Проблемы истории религиозной жизни различных народов, существовавших в границах Парфянского царства, исследованы еще далеко недостаточно. Это утверждение справедливо и в применении к господствующему этносу – парфянам. Точно так же религиозная политика государства в лице правящей династии Аршакидов остается во многом «белым пятном», нуждающимся в тщательном изучении.

Прежде чем перейти к анализу обозначенной в заголовке проблемы, необходимо сделать несколько вводных замечаний. В данной статье авторы поставили своей задачей рассмотреть один из важных религиозных феноменов, существовавших определенное время в государстве Аршакидов, – культ царей. Для ее решения необходим анализ трех групп источников: текстов главным образом античных авторов, парфянских монет и информации, содержащейся в нисийских остраконах. В рамках одной статьи, естественно, сколько-нибудь глубокое исследование всех этих категорий источников невозможно. Поэтому авторы сосредоточили свое внимание только на монетах и тех текстах, которые прямо соотносятся с нумизматическими материалами, планируя в дальнейшем посвятить специальное исследование остраконам, а затем сопоставить результаты и попытаться дать синтетическую картину данного явления.

Исследование парфянских монет сопряжено с рядом трудностей. Прежде всего их достаточно сложно датировать, поскольку только на части их (главным образом тетрадрахмах) имеются датировочные формулы. Также трудно надежно атрибутировать конкретную монету с чеканом того или иного правителя, так как все цари при восшествии на престол принимали тронное имя Аршак, и именно оно присутствовало в монетной легенде. Упоминание персонального имени – редчайшее исключение. Для рассматриваемого нами вопроса важнейшее значение имеет анализ монетных легенд, поскольку именно легенда сообщает о статусе выпустившего ее правителя. Однако некоторые нумизматы (включая крупнейшего современного специалиста по парфянской нумизматике М. Алрама) отмечают возможность подобного анализа. В обобщающей энциклопедической статье он ни слова не говорит об этом сюжете, что объясняется тем, что, с его точки зрения, легенды парфянских монет стереотипны и, тем самым, бессодержательны¹. Однако это утвержде-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 09-06-00232

¹ Alram 1989, 536–540.

ние не совсем корректно, особенно для раннего периода. Д. Селлвуд, в частности, указывал на большое значение изменений титулатуры различных правителей, как она представлена в монетных легендах².

Не приводя сейчас всю аргументацию, мы отметим только одно обстоятельство, наиболее важное для исследуемой нами проблемы: некоторые цари в монетных легендах своих выпусков (главным образом драхм) указывают на свое происхождение от божественного отца (или даже на собственную божественность), другие же этого никогда не делают. Бесспорно, что такие расхождения должны быть разъяснены, ибо монетная легенда слишком серьезный предмет, чтобы не обращать на него внимания³.

Наконец, при исследовании этой проблемы присутствуют и сложности, рождающиеся из методологических ошибок исследователей, которые затем принимаются авторами последующего времени и в результате искажают общую картину. Самый яркий пример такого рода ошибки – статья В.С. Кёртис⁴, посвященная царской инвеституре – сюжету, тесно связанному с исследуемой нами проблемой. Автор соединяет вместе два сюжета: реальный акт инвеституры и ментальные конструкции относительно источников царской власти, в результате чего запутываются оба вопроса⁵.

Исследование обозначенной темы должно проходить в рамках, очерченных общей религиозной ситуацией, существовавшей в стране в указанный период. К сожалению, в последние десятилетия не появлялось новых, созданных на современном уровне, исследований по парфянской религии. Даже в самых фундаментальных исследованиях эти проблемы освещаются довольно бегло без глубокого специального изучения. Например, в обобщающей работе по истории зороастризма эллинистического и римского периодов, написанной такими известными специалистами, как М. Бойс и Ф. Грене, парфянскому периоду уделено всего несколько страниц. Упор в ней делается на приверженности Аршакидов зороастризму, хотя он и не был их исконной религией, а пришел к ним извне⁶. М. Бойс в другой работе утверждает, что в парфянское время «зороастризм снова стал религией великой Иранской империи, которой предстояло просуществовать гораздо дольше, чем империи Ахеменидов»⁷.

Однако широко известно (и никем не оспаривается), что наряду с зороастризмом в Аршакидском государстве существовали иные религиозные верования, а также происходили процессы взаимодействия различных религиозных систем. При этом процессы взаимодействия, а также борьбы и конфликтов между ними исследовались недостаточно. В упомянутых нами исследованиях, а также в работе М. Колледжа, в главе, посвященной религии, все эти вопросы освещаются очень бегло⁸.

Место царского культа в рамках системы религиозных воззрений парфян также исследовано недостаточно. В обобщающей энциклопедической статье М. Бойс это явление даже

² Sellwood 1976, 3.

³ Поразительно, но в большой статье В.С. Кёртис (Curtis 2007, 413–434), специально посвященной проблеме религиозной символики на иранских монетах (парфянских, сасанидских и кушанских), монетные легенды даже не упоминаются.

⁴ Curtis 2006, 182–184.

⁵ В античных письменных источниках имеется только одно прямое указание на коронацию парфянских царей – свидетельство Плутарха в его биографии Красса о том, что представители рода Сурена возлагают корону на голову царя (*Plut. Crass.* 21. 7). Точность этой информации подтверждается и армянскими источниками (Kettenhofen, 1998, 329). Этот акт, естественно, на монетах не отображался. На монетах инсигнии царской власти вступающий на трон правитель получал от Ники, орла (сокола) и т.д.

⁶ Boyce, Grenet 1991, 28.

⁷ Бойс 1987, 100.

⁸ Колледж 2004, 90–97. Не можем не отметить, что за подзаголовок русского перевода его книги («Последователи пророка Заратустры») М. Колледж ответственности не несет, поскольку в заголовке английского оригинала (Colledge, 1967) ничего подобного нет. Об уровне перевода свидетельствует упорство, с которым переводчица везде вместо присутствующих в тексте оригинала терминов «маг» или «маги» с упорством, достойным лучшего применения, дает свои термины «волхв» или «волхвы».

не упоминается⁹. В другой ее работе оно объясняется таким образом, что принять такое толкование невозможно¹⁰. Некоторые исследователи (например, Й. Визехёфер) указывают на существование данного явления, но никак его не анализируют¹¹. Насколько нам известно, за последние годы появилась только одна статья, в которой проблема царского культа в Парфии представлена достаточно подробно – мы имеем в виду статью А. Гарiboldи¹². В ней, однако, вопреки названию, основное внимание уделяется не идеологическим аспектам проблемы, но более узким вопросам, связанным с династийными конфликтами поздних Селевкидов. Подобно целому ряду других исследователей А. Гарiboldи твердо убеждена, что парфяне могли только подражать Селевкидам. В монетном деле Парфии не могло быть оригинальных решений. Какие-либо новые веяния появлялись только после того, как они возникали в селевкидском чекане. При этом с оригинальным парфянским творчеством автор «расправляется» достаточно просто – она просто не упоминает такие явления, как будто их не существовало вообще. Отличительная особенность статьи – большое число мало обоснованных предположений и наличие странных утверждений, таких, например, что нахождение царя Деметрия II в парфянском плену (из которого он, между прочим, два раза бежал) укрепляло дружбу между Селевкидами и парфянами и т.п.

Бесспорно, что в самой общей форме рождению культа правителя на Востоке дала начало политика Александра Македонского, а не возрождение традиций предшествующей, ахеменидской, эпохи, как это предполагалось еще недавно. Культ правителей у Селевкидов стал средством обеспечения лояльности подданных, в первую очередь греков¹³. Первоначально культ царей распространялся только на умерших владык. Его введение зафиксировано уже в отношении Селевка I, создателя государства. Но позднее ситуация изменилась. В распоряжении исследователей имеются сейчас три практически идентичных надписи (одна из Фригии и две из Мидии), датруемые концом III в. до н.э., в которых царь Антиох III дает указание о введении прижизненного культа своей жены¹⁴, что логично приводит к заключению о существовании уже ранее его собственного культа¹⁵. Для более позднего времени свидетельства о культе правителей в государстве Селевкидов достаточно обильны¹⁶.

Возникшее в середине III в. до н.э. Парфянское царство первоначально ограничивалось территорией одной только сатрапии Селевкидского государства. Однако позднее оно резко расширило свои границы и стало могущественной державой древности. Уже раннее Парфянское государство и общество имели очень сложную структуру, в которой взаимодействовали традиции местного населения предгорных оазисов Копет-Дага, имперские ахеменидские идеи и институты, обычаи и обыкновения кочевников (поскольку государство возникло в результате завоевания Парфии кочевниками-парнами) и, наконец, наследие Селевкидов. В дальнейшем же после включения в его состав многих областей ситуация еще более усложнилась.

Можно полагать, что институт царского культа парфяне унаследовали от Селевкидов. При анализе монет, которые, с нашей точки зрения, являются свидетельствами существования этого культа, основное внимание мы будем обращать на монетные легенды, при этом – на прямые свидетельства, такие, как использование терминов ΘΕΟΣ («Бог»), ΘΕΟΤ

⁹ Boyce 1987, 540–541.

¹⁰ Позволим себе привести это объяснение целиком, чтобы не быть голословными: «На некоторых более поздних монетах парфянские цари, следуя примеру Селевкидов, притязая на собственную божественность, помещали под своими царскими портретами на аверсах надписи греческими буквами *теос* (“бог”) или *теонатор* (“сын бога”). Этот обычай рассматривался ранее как свидетельство того, что цари не были правоверными зороастрийцами. Однако, хотя такие претензии и кажутся поразительными для зороастрийцев, преемники Аршакидов, безусловные зороастрийцы – Сасаниды, также утверждали, что они “из рода богов”, так что такие представления считались (как покладист человеческий разум!) вполне совместимыми с истинной верой» (Бойс, 1987. 101).

¹¹ Wieshöfer 1996, 62.

¹² Gariboldi 2004, 366–384.

¹³ Кошеленко, Гаилов 2010.

¹⁴ Robert 1949, 5–29; 1967, 281–297.

¹⁵ Boyce, Grenet 1991, 30–31.

¹⁶ Бикерман 1985, 221–240.

(«Бога»), различных модификаций (в зависимости от содержания легенды, степени грамотности резчика и т.п.) слова, обозначающего «[сын] божественного отца» (ΘΕΟΠΑΤΟΡ, ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ, ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΥ). Меньшее внимание будет уделено использованию в легендах таких терминов, как ΔΙΚΑΙΟΣ («Справедливый»), ΕΠΙΦΑΝΟΣ («Явленный» – имеется в виду Бог) и т.п. По мнению некоторых исследователей, данные термины в монетных легендах являются эпikleзами, свидетельствующими об уподоблении царя тому или иному божеству, для которого эта эпikleза была характерной, и поэтому могут рассматриваться как доказательство существования обожествления правителя, но, строго говоря, это никогда не было доказано.

Первым свидетельством наличия царского культа являются серебряные драхмы царя Аршака II¹⁷. Монеты принадлежат к обширной группе раннего парфянского чекана, так называемым монетам «с безбородой головой». Обычно эта группа определяется как принадлежащая самому раннему чекану государства, и ее выпуски распределяются в хронологическом диапазоне от Аршака I до первых лет царствования Митридата I.

На лицевой стороне изображение головы правителя в кочевническом башлыке влево, на оборотной – сидящий на омфале персонаж в кочевническом одеянии вправо, в вытянутой руке лук. Легенда состоит из трех слов: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΕΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ («[монета] царя бога Аршака») (табл., I. Здесь и далее см. таблицу на вклейке). В. Рос относил данный тип к чекану Приапата (правда под вопросом)¹⁸. Д. Селлвуд и следующий ему Ф. Шоур – к чекану Митридата I, но никаких доказательств этому не приводил. Г.А. Кошеленко, напротив, приписывал монету к выпускам Аршака I, ссылаясь на свидетельство Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XXIII. 6. 5–6) о существовании культа Аршака I. Однако сейчас нам кажется, что данное свидетельство было интерпретировано не совсем правильно. В тексте Аммиана дан краткий очерк деятельности Аршака I и вслед за этим приводится следующая сентенция: «Знать и простой народ были единодушны в своем суждении о нем, и его первого присоединили к сонму звезд, как это они полагают в своих религиозных представлениях. Поэтому и до нашего времени удержался обычай, что гордые цари этого народа именуются братьями Солнца и Луны; и подобно тому, как нашим императорам приятно и желанно имя Августа, так для жалких и бесславных некогда парфянских царей под счастливыми ауспциями Аршака создались величайшие отличия. И теперь еще воздают ему культ, как богу...».

Подчеркнем, что аргументом в пользу Аршака I служит то обстоятельство, что он – единственный парфянский правитель, о котором письменные источники прямо говорят как о царе, удостоившемся обожествления. Из этого текста ясно следует, что обожествление было не результатом собственного желания царя, а произошло уже после его смерти. Следовательно, мы можем предполагать, что данный тип был выпущен при Аршаке II¹⁹, но был оформлен как посмертный выпуск Аршака I. Практика посмертных выпусков монет была обычным явлением в мире эллинизма. Достаточно напомнить, что сам Александр в силу ряда причин осуществлял на ряде македонских монетных дворов выпуск посмертных монет с именем Филиппа²⁰, точно так же все те монеты с именем Александра (и Лисимаха), которые выпускались десятками полисов на протяжении почти всей эллинистической эпохи, тоже, в сущности, были посмертными выпусками²¹. На ряде монетных дворов Селевкидов начальные выпуски производились также от имени Александра²². Подобная практика существовала и позднее в Селевкидском государстве²³, Греко-Бактрии²⁴ и ряде других государств.

¹⁷ Кошеленко 1968, 66–68, № 22; Sellwood 1980, 34–35, тип 10; Shore 1993, 91, № 18.

¹⁸ Wroth 1903, 5. Определения этого автора сейчас не пользуются признанием, поскольку он отводил ряд типов Тиридату (в соответствии с принятыми тогда представлениями о ранней парфянской истории), что сейчас полностью отвергается исследователями.

¹⁹ Об историчности этого правителя см. Wolski 1962, 222–238.

²⁰ Thompson 1982, 57–63; Mørkholm 1991, 43.

²¹ Mørkholm 1991, 35–37.

²² Например, монетный двор Суз. См. Newell 1978, 108–109.

²³ См., например: Mørkholm 1960, 25–30.

²⁴ Vopéarachchi 1990, 193–194, 214–216, 330–343.

Учитывая согласованность сведений письменного источника и монетной легенды, мы можем, кажется, с достаточной долей уверенности утверждать, что уже Аршак I удостоился посмертного обожествления, в чем бесспорно сказывалось влияние селевкидской практики, но отражение этого акта в монетном чекане – это уже нововведение парфян, поскольку впервые термин «Бог» на селевкидских монетах появляется только при Антиохе IV²⁵.

Дальнейшим развитием этой идеи является вариант того же самого типа, но с легендой, прямо, как нам кажется, указывающей на Аршака II²⁶. Она практически такая же, как та, которую мы только что рассмотрели, но вместо слова ΘΕΟΥ стоит слово ΘΕΟΠΑΤΟΡ и добавлено также ΜΕΓΑΛΟΥ – «[монета] великого царя Аршака, [имеющего] божественного отца» (табл., 2). Необходимо подчеркнуть, что термин ΘΕΟΠΑΤΟΡ чрезвычайно редко присутствует в документах и нарративных источниках²⁷.

Если наши построения верны, то мы можем смело утверждать, что посмертный культ царей возник в Парфии уже в начале ее существования, причем – по эллинистической (конкретнее, по селевкидской) модели.

После первого опыта с обожествлением правителя наступает достаточно длительный перерыв. Одной из причин этого был «сбой» в линии наследования. Как было показано в одной из предыдущих работ, после Аршака II на трон вступил Фриаптий (Приаптий, Приапит), который был сыном Тиридата (никогда не царствовавшего, вопреки сведениям одной из версий генеалогических легенд Аршакидов) и который был соответственно двоюродным братом Аршака II. Было высказано предположение, что причиной смены линии наследования были неудачи в борьбе с селевкидским царем Антиохом III, который превратил Парфию в вассальное владение²⁸.

В настоящее время неизвестно, чеканил ли этот царь свою монету. Во всяком случае ясно, что какое-то время после похода Антиоха III парфянский монетный двор находился под контролем Селевкидов²⁹. Та же самая ситуация и с проблемой чеканки монеты сыном Фриаптия Фраатом I. Специалисты по парфянской нумизматике не считают возможным выделить его чекан³⁰, что нам, однако, кажется неправильным, поскольку при Фраате I парфяне не только вернули себе независимость (воспользовавшись разгромом Антиоха III римлянами в битве при Магнесии), но и вновь начали свою экспансию. Нам представляется, что к числу выпусков Фраата можно отнести ряд выпусков, которые традиционно относятся к чекану Митридата I, но этот вопрос требует специального углубленного исследования.

Восшествие на престол Митридата I (ок. 171–138 гг. до н.э.) знаменует второй «сбой» в династической последовательности. Царь Фраат передал власть над Парфией не сыну (в соответствии с обычаем), но брату. Выбор Фраата оказался весьма удачным, именно при Митридате были совершены самые значительные завоевания, вплоть до Вавилонии. В чекане этого царя нет никаких признаков, говорящих о практике обожествления его или кого-либо из его предков.

Возобновление практики посмертного обожествления демонстрирует сын Митридата – Фраат II (138–127 гг. до н.э.)³¹. Легенды с указанием на божественность его отца присутствуют на нескольких типах его драхм. В частности, они зафиксированы на всех вариантах его драхм типа 16³². Монеты имеют обычные изображения на лицевой и оборотной сторонах и следующую легенду: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ – «[монета] великого царя Аршака, [имеющего] божественного отца» (табл., 3). Имеется два варианта

²⁵ См. Le Rider 1999, 190–218. На первых сериях простая легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ANTIOXΟΥ, затем происходит ее трансформация – она приобретает форму ΒΑΣΙΛΕΩΣ ANTIOXΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ, наконец последние по времени выпуски имеют уже легенду ΒΑΣΙΛΕΩΣ ANTIOXΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ.

²⁶ Sellwood 1980, 35, тип 10, легенда IV; Wroth 1903, 5; Shore 1993, 91, № 19.

²⁷ Gariboldi 2004, 367–368.

²⁸ Кошеленко 1976, 31–37; Košelenko 1982, 133–146. См. также Bader 1996, 261–263.

²⁹ Houghton, Lorber 2002, 357, 466.

³⁰ Sellwood 1980, 28.

³¹ О его царствовании см. Debevoise 1938, 28–37.

³² Sellwood 1980, 49–51, тип 16, варианты легенд I–III; Shore 1993, 91–97, № 41–56.

с несколько иным расположением легенды, но эти отличия минимальны³³. Вполне вероятным кажется объяснение, что обожествление Митридата явилось не только признанием его заслуг, но и средством легитимизации власти его сына.

Приход к власти Артабана I (127–124 гг. до н.э.) был третьим «сбоем» в династийном порядке наследования, поскольку на смену погибшему в борьбе с кочевниками Фраату II пришел его дядя, т.е. родной брат Фраата I и Митридата I³⁴. Короткое его царствование также ознаменовалось выпуском монет с легендой, в которой указывалось на его происхождение от божественного отца (табл., 4). Мы имеем в виду драхмы с традиционными изображениями на лицевой и оборотной сторонах и легендой: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ³⁵.

Необходимо отметить две особенности в чекане Артабана: 1) поразительную близость с чеканом предшественника; 2) наличие параллельного чекана, в котором при аналогичном расположении легенды последнее слово заменено – вместо ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ стоит ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ (т.е. «любящий брата») ³⁶ (табл., 5). Отцом Артабана был Фриаптий. Случай с ним – уникальный в истории аршакидского Ирана. Царями страны стали три его сына. Показательно, что два предшественника Артабана на троне не делали попыток обожествления своего отца. Это сделал только последний. Можно полагать, что ему (по причине «сбоя») особенно необходима была сакральная санкция своей власти. Ту же самую цель преследовала и ссылка на чувства по отношению к брату. Артабан имел в виду великого завоевателя Митридата I, чьим авторитетом он также стремился воспользоваться для упрочения своей власти.

Со смертью Артабана I начинается еще один период, когда тема «божественного отца» перестает быть актуальной. Это было время царствования Митридата II (123–88 гг. до н.э.). В его весьма обильном чекане, что естественно при столь длительном царствовании, термин «Бог» или «[имеющий] божественного отца» не появляется ни разу.

Последние годы царствования этого царя и несколько десятилетий после его смерти в нумизматической литературе обычно называются «темными веками»³⁷. Это время характеризуется, насколько нам известно, династийной борьбой, наличием иногда нескольких одновременно правящих царей, трудностью согласования монетных выпусков с конкретными лицами, их выпускавшими³⁸.

Известно, что Митридат II был жив еще в 88 г. до н.э., но уже в 95 г. до н.э. в вавилонских клинописных документах упоминается некий правитель, причем называется даже его персональное имя – Готарз³⁹. Считается, что он правил в 95–90 гг. до н.э. и, тем самым, оспаривал власть Митридата II в последние годы его жизни⁴⁰. Современные исследователи выделяют группу выпусков, предположительно относящихся к чекану этого царя. Для его монет характерны некоторые особенности: на лицевой стороне представлена голова правителя в тиаре (как на последних по времени выпусках Митридата II). Тиара поверху украшена миниатюрными изображениями оленей (?), что Д. Селлвуд считает «степной чертой»⁴¹. Легенды его монет достаточно длинны: «великого царя Аршака, [имеющего]

³³ Sellwood 1980, тип 16, легенды IV–V.

³⁴ О царствовании Артабана см. Debevoise 1938, 37–38.

³⁵ Sellwood 1980, 57, тип 19; Shore 1993, 97, № 57–58

³⁶ Sellwood 1980, 58, тип 20; 20, тип 22, легенда I–II.

³⁷ Понятие ввел Д. Селлвуд (Sellwood 1976, 2).

³⁸ На протяжении длительного времени ученые следовали В. Росу в создании схемы последовательности правлений и отнесения тех или иных выпусков конкретным правителям (Wroth 1903). Однако накопившийся новый материал заставил в начале 1960-х годов начать пересмотр этой схемы. Эту работу начал Д. Селлвуд (Sellwood 1962, 80–91; 1965, 114–135), за которым последовали другие исследователи, да и сам Д. Селлвуд неоднократно возвращался к этой проблеме. Мы следуем главным образом этому автору за исключением особо оговоренных случаев.

³⁹ Simonetta 1966, 15.

⁴⁰ Существует, правда, предположение, что Готарз был легальным наследником Митридата II, который отдал ему в управление Вавилонию и позволил пользоваться титулом «царь», сохраняя титул «царь царей» для самого себя (Dobbins 1975, 41–42).

⁴¹ Sellwood 1980, 86.

божественного отца, победителя (ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ)»⁴² (табл., 6). Поскольку по всей вероятности Готарзу I пришлось сражаться за свою власть, то термин «победитель» был вполне уместен в составе его монетных легенд. Неясно, кого имел в виду Готарз I, упоминая «божественного отца», поскольку среди его непосредственных предшественников таковых не было. Ясно только, что введение этого эпитета в состав монетной легенды должно было усилить его позиции в борьбе за власть.

К этому же периоду «темных веков» относится чекан неизвестного по имени и не отраженного в письменных источниках правителя (unknown king), который по расчетам Д. Селлвуда царствовал приблизительно в период от 80 по 75 г. до н.э.⁴³ Характерной особенностью его чекана является использование выражения «[имеющего] божественного отца» как на тетрадрахмах, так и на драмах, чего ранее в монетном деле Парфии не наблюдалось. Тетрадрахмы, чеканившиеся на монетном дворе Селевкии на Тигре, имеют традиционное изображение головы царя влево на аверсе и лучника вправо – на реверсе. Легенда очень длинная: «великого царя Аршака, [имеющего] божественного отца, благодетеля (ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ), явленного, любящего эллинов (ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ)»⁴⁴ (табл., 7). Драхмы чекана этого царя имеют такой же облик лицевой и оборотной сторон, их легенда отличается от легенд тетрадрахм только отсутствием слова «филэллин»⁴⁵ (табл., 8). В данном случае мы также не знаем, кого этот правитель называл своим божественным отцом.

Еще один не совсем понятный исследователям правитель, носящий несколько условное имя Дарий (?), правивший, по выкладкам Д. Селлвуда, примерно в 70 г. до н.э.⁴⁶, также использовал в своем чекане легенду с упоминанием божественного отца. Этот термин присутствует только на его драмах⁴⁷ (табл., 9). Легенды достаточно длинные: «великого царя Аршака, явленного, любящего эллинов, благодетеля, [имеющего] божественного отца»⁴⁸. Характерно, что на тетрадрахмах присутствует практически та же самая легенда, но термин «[имеющего] божественного отца» заменен более нейтральным «филопатор» (т.е. «любящий отца»)⁴⁹.

Наконец, последний раз, видимо, термин «[имеющий] божественного отца» появляется в чекане Митридата III (57–54 гг. до н.э.). Однако нам кажется, что ему предшествует один выпуск тетрадрахм, который может быть интерпретирован как чекан Митридата III, но выполненный в виде посмертного выпуска его отца Фраата III. Лицевая сторона несет изображение головы царя в тиаре (с миниатюрными изображениями оленей наверху) влево.

⁴² Sellwood 1976, 7; 1980, 87–88, тип 33, легенды I–IV; Shore 1993, 105–106, № 110–119. Ранее Д. Селлвуд относил этот тип к чекану Синатрука (Sellwood 1971, тип 33), в чем его поддерживал Б. Симонетта (Simonetta 1975, 77). Этой же точки зрения придерживался и О. Мørkholm (Mørkholm 1980, 44), но он, кажется, и сам сознавал слабость своих аргументов. См. также Dilmaghani 1986, 220.

⁴³ Sellwood 1980, 95.

⁴⁴ Sellwood 1980, 96–97, тип 30. Ранее Д. Селлвуд относил этот тип к чекану Готарза I (Sellwood 1971, тип 30), но Б. Симонетта переприписывал его, отнеся к чекану Орода I (Simonetta, 1975, 77; см. также Shore 1993, 108–111, № 139–144). М. Вайскопф, отмечая трудности определения принадлежности этого (как, впрочем, и других выпусков этого времени), тем не менее склоняется к мнению, высказанному О. Мørkholm о принадлежности данного типа чекану Синатрука. См. Mørkholm 1980, 42–45; Weiskopf 1981, 138–140.

⁴⁵ Sellwood 1980, 97–99, тип 30.14–30.30. Любопытной особенностью этого чекана является наличие на некоторых вариантах указания на место чеканки: «в Рагах» (ΕΝ ΡΑΓΑΙΣ), «Маргиана» (ΜΑΡΓΙΑΝΗ), «Траксиана» (ΤΡΑΞΙΑΝΗ), Нисайя (ΝΙΣΑΙΑ), «Арея» (ΑΡΕΙΑ), «в походе» (ΚΑΤΑΣΤΡΑΤΕΙΑ).

⁴⁶ Sellwood 1980, 105; Simonetta 1975, 65–78. О. Мørkholm считал этот тип принадлежащим к числу последних в монетном деле Синатрука (Mørkholm 1980, 44–47). М. Вайскопф считал, что упомянутый в источниках, освещающих поход Антония против парфян царь Дарий, не являлся общепарфянским правителем, а был мелким местным правителем, например, Мидии Атропатены (Weiskopf 1981, 142).

⁴⁷ Sellwood 1971, тип 35; Simonetta 1975, 77; Sellwood 1980, 107–108, тип 36.4–36.18; 111–112, тип 35. На драмах последнего варианта присутствует очень не традиционное изображение на лицевой стороне – голова царя передана в фас.

⁴⁸ Ф. Шоур относил эти монеты к чекану Фраата III (Shore 1993, 113–114, № 162–168). Той же точки зрения придерживался и Д. Дильмагани (Dilmaghani 1986, 222), но они не приводят этому никаких серьезных подтверждений.

⁴⁹ Sellwood 1980, 106, тип 36.1–36.3; 110, тип 37.

На оборотной стороне изображение царя, сидящего на троне влево. На одной (вытянутой) руке – орел, в другой – длинный скипетр. Позади царя – Тюхе. На этой же стороне длинная легенда: «великого царя Аршака, благодетеля, явленного бога (ΘΕΟΥ), любящего эллинов» (табл., 10). Д. Селлвуд располагал ее среди монет Фраата III⁵⁰. Однако в обильном чекане этого правителя данный тип (если допустить, что он ему действительно принадлежит) – единственный. Даже драхмы того же самого типа не имеют в составе легенд этого термина.

Исходя из этого, мы можем сделать следующее предположение. Фраат III был, как кажется, вполне законным наследником царя Синатрука и царствовал по меркам того времени достаточно длительный период (приблизительно 70–57 гг. до н.э.). Пришедший на смену Фраату III Митридат III (57–54 гг. до н.э.) стремится обеспечить свою легитимность, выпуская серию тетрадрахм, оформленную в виде посмертного выпуска своего отца, подобно тому, как это делал Аршак II. Видимо, особое значение придавалось идее преемственности, поскольку облик царя на этих тетрадрахмах очень сильно напоминает облик Синатрука. Вслед за тем Митридат III начинает выпуск своих драхм в двух вариантах. Они имеют традиционный облик лицевой и оборотной сторон и длинные легенды. Первый вариант: «великого царя Аршака, явленного бога, филэллина, эвергета, справедливого (ΔΙΚΑΙΟΥ), [имеющего] божественного отца»⁵¹ (табл., 11). Второй вариант имеет несколько отличается: вместо «великого царя Аршака» стоит выражение «великого царя царей Аршака»⁵². Здесь имеется в виду конечно отец Митридата III – Фраат III.

Таким образом, данная серия является единственным примером, когда в монетной легенде вместе представлены два интересующих термина: «Бог» и «имеющий божественного отца»⁵³. Характерно, что это объединение терминов произошло в тот самый момент, когда само явление пришло к своему концу. Однако у этой картины имеется одно «темное пятно». В Парфии считали, что Фраат III был убит своими сыновьями, уже упомянутым Митридатом III и Ородом II, между которыми немедленно началась борьба за власть⁵⁴. Обращение Митридата III к памяти отца было методом привлечения симпатий к себе. Однако к памяти отца обращался и Ород II, правда, в несколько смягченной форме. На выпускавшихся им монетах в легенде стояло более скромное слово ΦΙΛΟΠΑΤΩΡ (т.е. «любящий отца»)⁵⁵.

На этом эпизоде можно было бы закончить обзор тех выпусков монет, которые свидетельствуют о существовании царского культа в Парфии. Однако имеется своего рода «послесловие» к этому явлению. Несколько десятилетий спустя при царе Фраате IV были нормализованы отношения с Римом. По условиям договора оставшиеся в живых воины из армий Красса и Антония были возвращены на родину, так же, как и захваченные парфянами legionные значки. В числе подарков, которые получил Фраат IV, была италийская рабыня Муза, которая вскоре стала любимой женой царя. По ее настоянию старшие сыновья Фраата IV были отправлены в Рим, а наследником престола стал ее сын. Она (совместно с сыном) отравила монарха, и Парфией стал править царь, которого обычно называли Фраатак (т.е. «Фраатенок»). Реальной же вершительницей судеб страны стала Муза, провозглашенная царицей. Отражением этого ее статуса стал выпуск тетрадрахм и драхм, на оборотной стороне которых воспроизводился ее бюст с легендой: «царицы Музы, небесной богини»⁵⁶ (табл., 12). Довольно скоро она погибла⁵⁷.

⁵⁰ Sellwood 1971, тип 39; Simonetta 1975, 77; Sellwood 1980, 119, тип 39.1. Д. Шоур относил к регулярному чекану Митридата III (Shore 1993).

⁵¹ Sellwood 1971, тип 40; 1976, 9; Simonetta 1975, 77; Sellwood 1980, 124–126, тип 40.

⁵² Sellwood 1971, тип 41; Simonetta 1975, 75; Sellwood 1980, 127–129, тип 41; Weiskopf 1981, 148.

⁵³ На некоторых монетах легенда имеет более правильную грамматически форму ΘΕΟ[Υ] ΥΙΟΥ. См. Shore 1993, 120, № 205.

⁵⁴ Debevoise 1938, 75–78; Weiskopf 1981, 151.

⁵⁵ Sellwood 1980, 133, тип 42.1.

⁵⁶ Sellwood 1980, 189–190, тип 58. Небесная богиня – это аллюзия на Афродиту Уранию.

⁵⁷ Любопытно отметить, что ненависть к этой женщине сохраняют и современные иранские авторы. При этом она обвиняется во многом, даже в том, что именно по ее настоянию Фраат IV вернул римлянам пленных и знамена (Риза Ша'бани 2008, 74–75), хотя она к этому совершенно непричастна и являлась своего рода «компенсацией» за возвращенных пленных и legionные значки.

Подводя некоторые итоги, мы с определенной долей уверенности можем сделать следующие выводы. Возникновение культа правителей относится к самой ранней поре существования Парфянского царства. Следуя селевкидской модели, парфяне осуществили посмертное обожествление основателя государства Аршака I. По всей видимости, имела место торжественная религиозная церемония. В дальнейшем эта практика в той или иной форме продолжала существовать вплоть до 50-х годов I в. до н.э. В условиях различных внутренних конфликтов ссылка на «божественного отца» была, видимо, весьма значимым аргументом пропаганды. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что ни Митридат I, ни Митридат II, бывшие наиболее удачливыми завоевателями среди парфянских царей, этим аргументом никогда не пользовались.

Причина, видимо, кроется во внутренних конфликтах среди парфянской элиты. После того, как были осуществлены широкие завоевания (особое значение имели захваты Месопотамии и Вавилонии, где находилось большое число греческих городов), среди парфянской знати достаточно явственно определилось существование двух направлений, каждое из которых по-своему оценивало собственно эллинистическое наследие. Одно из них, которое несколько условно было названо «старопарнским», сохраняло старые связи с кочевническим миром, стремилось к новым завоеваниям под знаменем восстановления державы Ахеменидов и соответственно враждебно относилось к грекам и их культуре. Представители второго направления, осевшие главным образом в западных завоеванных областях державы, были более склонны к мирному освоению захваченных земель и соответственно были более благожелательно настроены по отношению к грекам, даже готовы были сотрудничать с римлянами⁵⁸. В рамках подобной картины «расклада» политических сил отказ обоих Митридатов от эллинистической практики выглядит вполне логичным и хорошо объяснимым.

Смертельный удар ей нанесли события «темных веков»: большое число претендентов на царскую власть, часто имевших минимальные права на нее, для традиционного общества было явлением стрессовым. Частые ссылки на «божественных отцов», когда эти отцы в действительности никогда не обожествлялись согласно установленному ритуалу, приводили к утрате ценности этого аргумента. Смертельным ударом для этой практики стало убийство Фраата III его сыновьями, один из которых при этом объявлял о своей любви к отцу, а второй называл его божественным. Умиравшая практика оказалась не способной перенести этот удар. Таким образом, эллинистическая форма сакрализации царской власти навсегда ушла из Парфии. В таких условиях попытка самообоожествления, предпринятая Музой, была не более чем эскападой.

Литература

- Бикерман Э. 1985: Государство Селевкидов. М.
Бойс М. 1987: Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.
Колледж М. 2004: Парфяне. Последователи пророка Заратустры. М.
Кошеленко Г.А. 1963: Внутриполитическая борьба в Парфии (вторая половина II в. до н.э. – начало I в. н.э.) // ВДИ. 3, 56–68.
Кошеленко Г.А. 1968: Некоторые вопросы истории ранней Парфии // ВДИ. 1, 53–71.
Кошеленко Г.А. 1976: Генеалогия первых Аршакидов (еще раз о нисийском ostrake № 1760) // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века) / Б.Г. Гафуров и Б.А. Литвинский (ред.). М., 31–37.
Кошеленко Г.А., Гаилов В.А. 2010: Возникновение культа царей на эллинистическом Востоке // «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 141–147, 228–230.
Риза Ша'бани 2008: Краткая история Ирана. СПб.
Alram M. 1989: Arsacids. III. Arsacid Coinage // EI. II, 536–540.
Bader A. 1996: Parthian Ostraca from Nisa: Some Historical Data // La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Atti dei convegni Lincei. 127. Roma, 251–276.
Boppearachchi O. 1990: Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. P.
Boyce M. 1987: Arsacids. IV. Arsacid Religion // EI. II, 540–541.
Boyce M., Grenet F. 1991: A History of Zoroastrianism. Vol. III. Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule. Leiden–NewYork–København–Köln.

⁵⁸ Кошеленко 1963, 56–68.

- Colledge M.A.R.* 1967: The Parthians. L.
- Curtis V.S.* 2006: Investiture II. Parthian // *EI*. XIII, fasc. 2, 182–184.
- Curtis V.S.* 2007: Religious Iconography on Ancient Iranian Coins // *After Alexander. Central Asia before Islam* / J. Cribb, G. Herrmann (eds.). Oxf., 413–434.
- Debevoise N.C.* 1938: A Political History of Parthia. Chicago.
- Dilmaghani J.* 1986: Parthian Coins from Mithridates II to Orodes II // *NC*. 146, 216–224.
- Dobbins K.W.* 1975: The Successors of Mithridates II of Parthia // *NC*. XV, 19–45.
- Gariboldi A.* 2004: Royal Ideological Patterns between Seleucid and Parthian Coins: the Case of Θεοπάτωρ // *Commerce and Monetary Systems in the Ancient World: Means of Transmission and Cultural Interaction. Proceedings of the Fifth Annual Symposium of the Assyrian and Babylonian Intellectual Heritage Project held in Innsbruck, Austria, October 3–8 2002* / R. Rollinger, Ch. Ulf (eds.). Wiesbaden, 366–384.
- Houghton A., Lorber C.* 2002: Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Pt I. Vol. I. New York–Lancaster–London.
- Kettenhofen E.* 1998: Die Arsakiden in den armenischen Quellen // *Das Partherreich und seine Zeugnisse*. Stuttgart, 325–353.
- Košelenko G.A.* 1982: La genealogia dei primi Arsacidi (ancora sull’ostrakon di Nisa № 1760) // *Mesopotamia*. XVII, 133–146.
- Le Rider G.* 1999: Antioche de Syrie sous les Séleucides. Corpus des monnaies d’or et d’argent. I, De Séleucos I à Antiochos V. c. 300–161. P.
- Mørkholm O.* 1960: A Posthumous Issue of Antiochus IV of Syria // *NC*. 20, 25–30.
- Mørkholm O.* 1980: The Parthian Coinage of Seleucia on the Tigris, c. 90–55 B.C. // *NC*. 20, 33–47.
- Mørkholm O.* 1991: Early Hellenistic Coinage from the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–186 B.C.). Cambr.
- Newell E.T.* 1978: The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. With a Summary of Recent Scholarship Additions and Corrections by O. Mørkholm. N.Y.
- Robert L.* 1949: Inscriptions séleucides de Phrygie et d’Iran // *Hellenica*. VII, 6–29.
- Robert L.* 1967: Encore une inscription grecque de l’Iran // *CRAI*. 111/2, 281–297.
- Sellwood D.* 1962: The Parthian Coins of Gotarzes I, Orodes I, and Sinatruces // *NC*. 2, 73–89.
- Sellwood D.* 1965: Wroth’s Unknown Parthian King // *NC*. 5, 113–135.
- Sellwood D.* 1971: An Introduction to the Coinage of Parthia. L.
- Sellwood D.* 1976: The Drachms of the Parthian «Dark Age» // *JRAS*. 1, 2–25
- Sellwood D.* 1980: An Introduction to the Coinage of Parthia. 2nd Ed. L.
- Shore F.B.* 1993: Parthian Coins and History. Ten Dragons Against Rome. Quarryville.
- Simonetta A.* 1966: Some Remarks on the Arsacid Coinage of 90–57 B.C. // *NC*. 6, 15–40.
- Simonetta B.* 1975: Problemi di numismatica partica: osservazioni sulle attribuzioni delle monete partiche coniate fra il 70 ED il 57 A.C. // *SNR*. 54, 65–78.
- Thompson M.* 1982: Posthumous Philip II Staters in Asia Minor // *Studia Paolo Naster Oblata I: Numismatica antiqua* / S. Sheers (ed.). Louvain (Orientalia Lovaniensia Analecta, 12), 57–63.
- Weiskopf M.* 1981: The Kuh Dasht Hoard and the Parthian «Dark Age» // *ANSMN*. 26, 125–152.
- Wieshöfer J.* 1996: «King of Kings» and «Philhellén»: Kingship in Arsacid Iran // *Aspects of Hellenistic Kingship* / P. Bilde, T. Engeberg-Pedersen, L. Hannestad, J. Zahle (eds.). Aarhus, 55–66.
- Wolski J.* 1962: Arsace II et la généalogie des premiers Arsacides // *Historia*. XI, 136–145.
- Wroth W.* 1903: Catalogue of the Coins of Parthia. L. (reimp. Bologna, 1964).
- http://www.parthia.com/parthia_coins_parthia.htm [Электронный ресурс = Интернет-каталог К. Хопкинса.]

NUMISMATIC DATA ON CULT OF THE KINGS IN PARTHIA

G.A. Koshelenko, V.A. Gaibov

The coins issued by Parthian kings bear important information about the Arsacids’ political ideology. They show that in a certain period there existed a posthumous cult of the kings. This practice, taken over from the Seleucids, was reflected as early as in the coins issued by Arsaces II, who founded the cult of his father Arsaces I. A number of later kings were worshipped in the same way. But the practice ceased in the middle of the 1st century BC. Since then the king’s power was authorized in other sacral forms. Purely Hellenistic forms of sacral authorization of power must have ceded to oriental (Achaemenid and nomadic) paradigms in the period of confrontation with Rome.